

— Белая соль из глубин моря? — переспросил служитель Бога в льняном одеянии, с интересом разглядывая бамбуковый туесок в руках лиса-оборотня.

Ху Дун успел услышать, как сородичи в толпе называли этого незнакомца почтенным служителем. Прежде оборотень о столь высоких особах и помыслить не смел, так что от волнения шерсть на его холке встала дыбом.

Однако, сжав волю в кулак, он постарался удержать благоговейную улыбку и почтительно вымолвил:

— Всё так, глубокоуважаемый служитель. Настоящая белая соль из самых морских глубин. Изволите взглянуть: бела, точно свежий снег, и ни капли горечи. Щепотки хватит, чтобы жаркое обрело небывалый вкус.

Сравнение со снегом было, конечно, преувеличением, однако по сравнению с привычной серо-грязной солью эта выглядела непревзойдённо — ничьи глаза прежде не видали подобного чуда.

— Желаете выменять её на товары или предложишь иной расчёт? — поинтересовался служитель.

Лис понимающе усмехнулся:

— Путь до морских глубин неблизок, и тащить назад гору туш мне не под силу. Так что отдаю соль только за чёрные монеты.

Помолчав для сугубой важности, он поднял туесок:

— Двадцать чёрных монет за мерку.

— Пресвятые предки, да это ж грабёж!

— Двадцать монет?! На них же можно выменять целое стадо зверей Хоу-Хоу!

— А я-то думал купить на пробу... Ну уж нет, обойдусь.

Толпа взорвалась возмущённым гулом. Чёрная монета ценности своей никогда не теряла: за одну давали тушу среднего зверя, а за три можно было сторговать огромную тушу с жестковатым мясом и плохой шкурой. Лишь самые ценные животные вроде зверей Хоу-Хоу или Белых зверей, чья шерсть славилась мягкостью, а мясо — нежностью и сочностью, стоили дороже.

Поэтому цена в двадцать монет казалась безумием. Тут вкушали не соль, а сами монеты!

Служитель Бога тоже на мгновение опешил: сумма даже для него кусалась. Однако отказаться на глазах у толпы означало бы уронить достоинство своего сана перед оборотнями и полуоборотнями.

Сохраняя невозмутимый вид, словно исполняя волю самого Бога-Зверя, он отсчитал из кожаного кошелька двадцать чёрных монет:

— Один туесок я забираю.

— Прекрасный выбор, служитель! Держите вашу соль, — Ху Дун проворно сгрёб монеты и передал туесок в руки покупателя.

— Вторую мерку заберу я! — внезапно прогремел голос из толпы.

Вперёд выступил кряжистый, густобородчатый оборотень с плечами шире, чем весь лис. На его шее поблёскивало увесистое ожерелье — верный признак выходца из богатого, могущественного племени.

Лис просиял, мгновенно сбыв оставшийся туесок и сжав в ладони вторую пригоршню тяжёлого медно-чёрного металла.

Стоявший на краю площади Линь Ло вполоборота обернулся к Цзе и Сяо Шу:

— Пойдёмте, прогуляемся в другом месте.

Цзе и Сяо Шу брели за ним, словно во сне, едва ощущая под собой ноги.

Прочие глазающие охотно поверили в сказку про морские глубины, но эти-то двое собственными глазами видели, как Линь Ло превратил мутную грязь с камнями и песком в ослепительный белоснежный порошок!

И эту соль действительно сбыли за сорок чёрных монет!

Одурманенные такой удачей, спутники послушно сопровождали Линь Ло по узким улочкам, пока они не покинули город и не направились к стоянке на пустыре.

Вернувшиеся раньше Ху Дун и Дядя Мэн со своими воинами едва завидели парня, как тут же обступили его плотным кольцом. Их голоса дрожали от восторга:

— Ло! Мы и впрямь выручили сорок чёрных монет!

— Ты только взгляни на них!

Каждая монета была размером с ладонь Линь Ло, продолговатая, толщиной с палец и ощутимо тяжёлая.

Глядя на их сияющие лица, Линь Ло и сам улыбнулся.

— Ты отлично справился, Ху Дун, — похвалил он лиса. — Без твоей сметливости мы бы не обтянули всё так гладко.

Лис расплылся в белозубой улыбке:

— Да брось, Ло, всё благодаря твоей соли! Оттого служитель с тем оборотнем и не думали торговаться. Кстати, я, пока возвращался, петлял по переулкам, дабы хвоста за собой не привести. Всё верно сделал?

Линь Ло невольно восхитился: оборотни, всю жизнь проводившие на охоте, обладали звериным чутьём и поразительной вьедливостью. Даже без лишних напутствий лис сработал безупречно.

— Идеально. Соли мало, а монет за неё дают кучу. Наверняка нашлись бы охотники выследить тебя до самого лагеря. Ты уберёг нас от лишней головной боли.

— Теперь, если прибавить те монеты, что принёс Дядя Мэн, у нас выходит сорок пять монет, — продолжил Линь Ло. — Завтра Ху Дун останется в лагере. А вам, Дядя Мэн, стоит взять пару воинов, выменять три мешка обычной соли и сразу же отправляться в обратный путь.

Мэн кивнул. Весна и осень на континенте Оборотней пролетали мгновенно, уступая место бесконечной суши или лютым морозам. Задержись они хоть ненадолго, и дождливый сезон застанет их в дороге. Реки разольются, привычные ориентиры скроются под водой, и отряд легко заблудится в чаще без надежды вернуться к родному очагу.

Мэн пристально посмотрел на юношу:

— Ло... ты точно не хочешь вернуться с нами в племя?

— Не тревожьтесь за меня, Дядя Мэн. Я смогу о себе позаботиться. А когда вы придёте менять соль в следующем году, мы снова пожарим много вкусного мяса.

Старый охотник вздохнул, помедлил немного, а затем выудил из кошелька пять чёрных монет и

протянул Линь Ло.

Тот отступил на шаг, качая головой:

— Дядя Мэн, я не могу...

Однако Мэн решительно вложил металл в его ладонь:

— Кабы не ты, мы бы вообще без соли домой убрались. Монет у нас теперь много, да только на обмен всё одно львиная доля уйдёт, так что могу уступить тебе лишь пять штук. Ты остаёшься один в чужом городе, охотиться не можешь — без монет пропадешь.

Тронутый такой заботой, Линь Ло сжал монеты в кулаке:

— Спасибо, Дядя Мэн. Во сколько вы выходите после обмена?

— Послезавтра на рассвете.

— Тогда завтра вечером купите свежего мяса. Я приготовлю для всех прощальный ужин.

У Мэна аж глаза заблистели:

— Договорились!

На следующий день Мэн с тремя воинами отправился за солью, прихватив заодно немного дешёвого мяса диких зверей.

Три мешка соли обошлись им в тридцать четыре чёрные монеты — в несколько раз дороже, чем в прошлые сезоны. Мелкие племена роптали и проклинали торговцев, но крупные роды, державшие в руках соляные копи, сплотились и хранили ледяное равнодушие: не нравится — не бери.

Мэн потратил ещё монету на сушёное мясо в дорогу и кусок свежей туши для вечернего пира.

— Вокруг обмена соли крутится много взвинченного люда из бедных племён, того и гляди драка вспыхнет, — предостерёг он юношу. — Ло, когда останешься один, держись от тех кварталов подальше, кабы в суматохе не пострадать.

— Хорошо, — ответил Линь Ло.

Пока мужчины отсутствовали, он уже растолок дикий имбирь и жгучие перечные зёрна. Как только тушу разделали, он тут же замариновал сочные куски.

Затем юноша приспособил вчерашний камень с углублением, в котором переваривал соль, растопил его на огне и бросил туда срезанный с туши жир. Вскоре в чаше весело зашкворчало, и по округе поплыл густой, аппетитный дух.

Не только Мэн со своими охотниками сокрушённо сглатывали слюну, но даже оборотни из соседних стоянок начали недоуменно поворачивать головы в их сторону.

Сяо Шу, не сводя глаз с подрумянившихся кусочков, пробормотал:

— Ло, что это? Пахнет просто невероятно!

Линь Ло присыпал шкварки щепоткой оставшейся белоснежной соли и отправил один золотистый кусочек прямо в рот парню:

— Это шкварки. Ну как?

Ничего подобного Сяо Шу в жизни не пробовал. Хрустящие, с насыщенным сочным вкусом и мягкой солёной ноткой — этот вкус был за гранью его понимания.

Он торопливо разжёвывал шкварку, ошеломлённо кивая:

— Вкусно... До чего же вкусно! Как оно вообще может быть таким духмяным?!

Линь Ло с улыбкой выловил оставшиеся вытопки деревянной лопаткой и выложил на край плоского камня:

— Дядя Мэн, Цзе, подходите, пробуйте!

Мужчины, едва сдерживавшие слюну от этого аромата, гурьбой подступили к очагу и принялись разбирать горячие шкварки.

Через мгновение на их лицах расплылись точь-в-точь такие же блаженные мины, как у Сяо Шу.

Еда, приготовленная по всем правилам, давно стала для Линь Ло лишь воспоминанием, поэтому он и сам с удовольствием умял несколько кусочков. Когда мясо достаточно пропиталось специями, его нанизали на прутья и уложили над углями, а вытопленный жир пошёл на обжарку мелких кусочков мяса.

Неподалёку тот самый юноша-полуоборотень, что ещё вчера назвал чистокровных людей бесполезными ртами и обузой, невольно вытягивал шею, глотая слюну.

Глаза у него были зоркие, и он быстро разглядел, что в центре внимания окруживших очаг воинов стоял именно тот самый презираемый им чистокровный парень.

Вспомнив свои спесивые речи, молодой полужверь с досадой почесал затылок. Гордость не позволяла ему подойти и выменять кусочек за монету, хоть нос и раздирало от невыносимо заманчивого запаха.

И не он один: весь вечер соседние лагеря исходили слюной, а ночью этот упоительный аромат снился чуть ли не каждому охотнику на пустыре.

Ночь вступила в свои права, и стоянки у городских стен погрузились в сон.

Линь Ло и Сяо Шу лежали рядом на широкой шкуре. Парень чувствовал, что Сяо Шу не спит, ворочается и явно хочет о чём-то поговорить.

Взглянув на россыпь звёзд, сиявших в вышине словно млечный путь, Линь Ло тихо спросил:

— Завтра отряд уходит. Думаешь о том, как объяснишь всё тётушке А-Да и дяде Чану?

Сяо Шу сначала кивнул, потом покрутил головой и лишь спустя некоторое время тихо произнёс:

— Ло, честно говоря, перед отъездом я твёрдо решил, что застряну возле тебя и ни за что не вернусь.

Он вздохнул и продолжил:

— Но теперь я вижу, что ещё слишком слаб. Останься я здесь — тебе пришлось бы опекать меня, да и отец с матерью изойдут тревогой. Пусть ты и чистокровный человек, но ты невероятно умён. Знаешь столько полезных вещей и сумел достать для племени такую дорогую соль... Поэтому я решил вернуться с Дядей Мэном. Буду учиться у наших воинов, стану сильнее, а в следующем году снова приеду на обмен.

Сяо Шу был куда плечистее и выше Линь Ло почти на голову — со стороны они казались братьями, причём Сяо Шу смотрелся старшим. Но голос его сейчас звучал по-детски наивно и растерянно.

Заботясь о спутнике, Сяо Шу почти полностью укутал Линь Ло в тёплую шкуру, обнимая его своей широкой рукой.

Линь Ло улыбнулся и кивнул:

— Хорошо. Тогда до следующего года.

— Ло... Если тебе удастся попасть в Храм Бога-Зверя, присмотришь там к Безумным зверям. Вдруг встретишь кого-то, похожего на моего отца или старшего брата.

— Договорились. Если я окажусь в Храме и смогу подобраться к Безумным зверям, то обязательно отыщу твоих родных.

Сяо Шу облегчённо улыбнулся и крепче прижал юношу к себе, заботливо подтянув край шкуры к его подбородку.

На рассвете отряд Мэна, торопясь опередить сезон дождей, отправился в путь.

Линь Ло долго стоял на холме, провожая их взглядом, пока фигуры родичей не растворились в бескрайней зелёной чаще. Лишь тогда он поправил за спиной кожаный баул, собранный ещё накануне вечером, развернулся и неспешным шагом направился к городским воротам.

<http://bllate.org/book/20115/1992906>